

В битве за Москву

Б. И. Невзоров*

Исследование архивных документов показывает, что главари третьего рейха, мечтая о быстром разгроме Советского Союза, не могли отделаться от представлений, что война должна закончиться в его столице. Так было всегда! Наполеон диктовал условия мира из покоренных им вражеских столиц. С падением Варшавы в 1939 года капитулировала Польша, с захватом Парижа в 1940 году — Франция. И «восточный поход», мечтали гитлеровцы, быстро завершится в покоренной ими Москве.

К июню 1941 года Вторая мировая война, втянув в свою орбиту около 30 государств, вплотную подошла к границам СССР. На Западе не оказалось силы, способной остановить военную машину нацистской Германии, которая в течение 21 недели разгромила армии 12 европейских стран. При этом Франция капитулировала на 44 день войны. Английские же войска, участвовавшие во Французской кампании (май 1940 года), бросив все вооружение и боевую технику, по существу, — спаслись бегством на Британские острова. В руки германского вермахта попало вооружение почти 180 дивизий покоренных стран. В качестве трофеев гитлеровцы взяли 4930 танков и бронетранспортеров, 3000 самолетов. Только французскими автомобилями немцы обеспечили 40 процентов своих дивизий, развернутых против СССР¹.

В покоренной Европе, казалось, всё трепетало перед рейхом. Англия — накануне поражения, бывшие нейтралы, выражали чувства преклонения и покорности. Внутри Германии пропаганда доводила миллионы людей до истерического фа-

натизма. Могла ли существовать в таких условиях какая-нибудь держава, особенно Россия, способная устоять под ударом германского меча?

Конечно, нет! — считал Гитлер. И сделал следующий вывод: *«Если этот колосс правильно и решительно атаковать, то он будет разбит быстрее, чем может предполагать весь мир»*. А начальник генерального штаба сухопутных сил Гальдер заявил своему венгерскому коллеге: — *«Советская Россия все равно, что оконное стекло: нужно только раз ударить кулаком, и все разлетится в куски»*².

Уверенные в своей быстрой победе, гитлеровцы развернули свои главные силы у западной границы Советского Союза. В военной истории еще не было ничего подобного. Уже в первый же день войны Германия бросила в сражение: 70 % всех дивизий, 75 % орудий и минометов, 90 % танков и боевых самолетов. Все эти войска были сосредоточены в трех стратегических группировках (группах армий «Юг», «Центр» и «Север»), имея значительное превосходство над войсками Красной Армии в живой силе и военной технике. При этом центр тяжести усилий в масштабе всей группировки войск вторжения находился в полосе группы армий «Центр», нацеленной для удара на московском направлении. В её составе было сосредоточено 36,4 % солдат и офицеров, свыше 53 % танков, почти половина всех боевых самолетов и артиллерии от общего количества сил вторжения.

Внезапный удар столь мощной группировки 22 июня 1941 года привел к тому, что уже через

* **Борис Ильич Невзоров** — кандидат исторических наук, доцент, Почетный профессор Европейского Университета, полковник в отставке.

неделю немцы преодолели треть расстояния от госграницы до Москвы, спустя две недели — половину этого пути.

В этой связи Сталин 25 июня распорядился сформировать и развернуть на западном направлении второй стратегический эшелон — группу армий Резерва Главного Командования. 27 июня по его указанию этой группе была поставлена задача: «Не допустить прорыва противника в направлении на Москву, уничтожая его мощными контрударами наземных войск и авиации».

Еще через день, — 28 июня Сталин приказал выдвинуть две новые армии к линии, удаленной на 180–250 км от переднего края второго стратегического эшелона с задачей — прочно оборонять рубеж Нелидово, Ельня, Дорогобуж, р. Десна до Жуковки (50 км северо-западнее Брянска). Военным советам этих армий Верховный Главнокомандующий дал указание: к подготовке рубежа приступить немедленно, обратив особое внимание на организацию обороны направлений Смоленск, Вязьма и Рогачев, Медынь (то есть направлений, которые шли вдоль Минской автострады и Варшавского шоссе и кратчайшим путем выводили к Москве)³.

Суть этих трех распоряжений Сталина в том, чтобы глубокоэшелонированной обороной на дальних подступах к Москве, сорвать попытку противника прорваться к Москве и с ходу овладеть ею. Рассмотренные выше директивы явились первыми мерами по подготовке Москвы к обороне. Их содержание показывает, что битва за Москву, как двусторонний процесс, началась с момента постановки задач войскам Красной Армии о недопущении прорыва врага к Москве — то есть с 27 июня 1941 года. До этого дня цель борьбы за русскую столицу преследовал только агрессор. А войска Красной Армии имели задачу лишь отразить вторжение врага на территорию нашей страны.

Ну, а как в советских и российских средствах массовой информации писалось о роли руководителя государства — Главнокомандующего Вооруженными Силами страны И. В. Сталина — в мобилизации всех сил страны на отпор агрессору и в битве за Москву?

В отечественной литературе и печатных источниках утверждалось, что с началом войны Сталин находился в состоянии растерянности и даже хотел покинуть Москву и, что советскими войсками он практически не управлял... Эту версию в свое время выдвинул Н. С. Хрущев, написав: «Сталин был совершенно парализован

в своих действиях и не собирался с мыслями... Он находился в состоянии шока»⁴. Критика начального периода войны была необходима Хрущеву, чтобы подорвать огромный авторитет Сталина в глазах бывших фронтовиков, составлявшим тогда ядро советского общества.

А вот В. М. Молотов, в этой связи, отметил следующее: «*Растерялся — нельзя сказать, переживал — да, но не показывал никому. Все эти дни и ночи напролет он, как всегда работал. Никогда ему было теряться или дар речи терять*»⁵. К примеру, Сталин участвовал в составлении и редактировании обращения к народу в связи с нападением фашистской Германии, текст которого 22 июня в 12:30 Молотов зачитал по радио. Сам же Сталин, вспоминая Молотов, не хотел выступать первым, так как еще не была ясна картина и положение на фронте⁶.

Не отставал от Хрущева и А. И. Микоян. Так в своих воспоминаниях Анастас Иванович написал: когда немцы взяли Минск (28 июня 1941. — Б. Н.), у Сталина была «*такая прострация, что он ничем не интересовался, потерял инициативу, находился в плохом состоянии*». А в это время, не терявшие присутствие духа Берия, Молотов, Вознесенский, Маленков, Ворошилов и сам Микоян разработали идею создания ГКО (Государственного Комитета Оборона. — Б. Н.) и прибыли с ней к «недееспособному» Сталину на Ближнюю дачу. В этой связи авторы одного из готовившихся трудов о Московской битве попросили экспертов-графологов Следственного Комитета РФ определить, чей почерк на листочках, взятых из Кремлевских архивов Сталина?

— Их ответ был однозначен — это почерк И. В. Сталина⁷.

Хотелось бы напомнить фальсификаторам истории и о том, что «ведь даже первую сводку с фронта Главного Командования Красной Армии для печати за 22.6.1941 года И. В. Сталин пишет и редактирует лично. Сталин очень краток, тщательно подбирает слова. Он хочет успокоить страну — „противник отбит“. Но сам-то понимает, что произошло нечто страшное. Он сильно нажимает на карандаш, ставит жирную точку, карандаш ломается»⁸.

Тексты большинства постановлений ГКО Сталин готовил сам. Кроме них Иосиф Виссарионович подписал массу телеграмм и телефонограмм, никак и нигде не зарегистрированных, но, тем не менее, имевших силу закона. Эти документы, под которыми стоит подпись Сталина,

приводили в движение целые фронты, армии, заводы, огромные массы людей.

ГКО распоряжался жизнью всей страны. Его постановления и распоряжения выполнялись беспрекословно, точно и в срок. Практически не было случая, когда хотя бы одно постановление (за годы войны их было принято 9971) оказалось не выполнено. Символично — первым пунктом повестки дня первого заседания ГКО был вопрос об увеличении выпуска пожарных машин на московском заводе, а всего по обороне Москвы за первый год войны выпущено более ста постановлений ГКО⁹. Какие вопросы решал ГКО по ходу битвы за Москву? Проще сказать, каких вопросов он не решал. фронт, тыл, ПВО, народное ополчение, вооружение, военные кадры, эвакуация предприятий, защита населения, партизанское движение — главные темы повседневных забот этого Комитета. И с самого первого заседания ГКО Сталин озаботился проблемами защиты столицы.

Документы и материалы архивов показывают, что ни одного решения по планированию и ведению боевых действий на фронте, без Сталина не принималось с первых и до последних дней войны. Поэтому говорить о том, что он практически не управлял войсками, это — полнейший абсурд.

Извращение роли Сталина в истории Великой Отечественной войны, в том числе и Московской битвы, продолжается почти весь послевоенный период, вплоть до нынешних дней. Из подобных публикаций СМИ мы узнаем, что Победа над фашистской Германией, оказывается, одержана вопреки Сталину, что никакой он не полководец, что «полководцем Победы» является народ и т. д. А в одном из юбилейных дней по телевидению показывали фильм: «Враг у ворот Москвы. Октябрь 1941 годжа». Так, вот его автор и ведущий Леонид Млечин с экранов телевизоров на всю страну вещал

«Москву спасли исключительно студенты и сами жители города, но только не Красная Армия, Советские солдаты просто бежали с поля боя, а бездарный командный состав, совершенно оторванный от личного состава, так объедался черной икрой, что перестал влезать в свои кители (которые, между прочим, в нашей армии, появились только в 1943 году, то есть тогда, когда битва за Москву уже завершилась. — Б. Н.).

Продолжать цитирование содержания домыслов, мифов и прямых фальсификаций роли Сталина в битве за Москву нет смысла. Попро-

буем вновь вникнуть в ход борьбы за нашу столицу и самим сделать соответствующие выводы.

Какой же была роль Сталина в срыве попытки врага захватить столицу с ходу? Ход военных действий на этом этапе борьбы показывают следующее. С момента вторжения немецких войск именно Москва сразу же оказалась в центре внимания воюющих сторон: на нее был нацелен главный вектор германского нашествия, и на московском направлении проходили самые значительные события первых двух месяцев войны. В этой связи И. В. Сталин 9 июля подписал постановления ГКО: «О строительстве заграждений 3-й оборонительной линии на Московском направлении» А всего по его указаниям ГКО до 29 сентября издал 34 постановления, касавшихся различных проблем защиты Москвы.

За это время Ставка Главного Командования (Верховного Командования, с 8.8.41 года — Верховного Главнокомандования) направила фронтам Западного стратегического направления, оборонявшим дальние подступы к столице, 78 директив, приказов, а также большую часть своих резервов. В течение первого месяца войны по распоряжению Сталина на этом стратегическом направлении было развернуто 12 общевойсковых армий (из 17) и 121 дивизия (70 % от общего числа объединений и соединений, направленных на весь советско-германский фронт). А всего до сентября для управления этими силами в интересах защиты Москвы было образовано: пять новых оперативно-стратегических объединений, таких, как: Фронт резервных армий (14–25.7.41 г.), фронт Можайской линии обороны (18–30.7.41 г.), Центральный (24.7 — 25.8.41 г.), Резервный (с 30.7.41 г.) и Брянский (с 16.8.41 г.) фронты, Всего же с момента вторжения агрессора и до 10 сентября были сосредоточены и развернуты **163 дивизии** (стрелковые, мотострелковые, танковые моторизованные, кавалерийские и народного ополчения Москвы)¹⁰.

Для немцев становилось все более очевидным: война не кончается, а только лишь начинается. В германском стане никто не мог такого ожидать. На Днепре, у смоленских высот и на многих других участках западного направления развернулись тяжелейшие кровопролитные бои, в которых советские войска настолько потрясли наиболее мощную группировку противника, что заставили германское командование впервые во Второй мировой войне заняться пересмотром своих оперативных планов. Потеряв в Смоленском сражении свыше 200 тыс. человек¹¹, самая

сильная немецкая группировка была вынуждена перейти к обороне. Советское командование делало все, чтобы не допустить её к столице. Оно смогло сорвать планы врага, *выставив на место каждой разгромленной в Белоруссии дивизии свыше трех новых*¹². В результате немцы были вынуждены перейти к обороне и отложить на два месяца планы по захвату русской столицы.

Вспоминая эти тяжелейшие для нашей страны дни, Г. К. Жуков (который, тогда был начальником Генштаба и по указанию Сталина подготовил почти все директивы Ставки о развертывании новых войск в интересах защиты Москвы), после войны писал: «фактический ход борьбы летом 1941 года означал провал первого наступления немецко-фашистских войск на Москву, когда они, опьяненные своими успехами в ходе приграничных сражений, намеривались форсированным маршем, с ходу овладеть советской столицей... Новый цикл ожесточенных боев на западном направлении развернулись осенью 1941 года»¹³.

Противовоздушная оборона столицы и действия Сталина по её укреплению

Уже на 17 день войны Гитлер объявил о своем непоколебимом решении ударами авиации сравнять Москву с землей и заявил, что *«это будет народное бедствие, которое лишит центра не только большевизм, но и русских вообще»*. В ночь на 22 июля немецкая авиация совершила первый воздушный налет на Москву. Участвовало 200 самолетов. В ночь на 23 июля к Москве рвалось до 150 вражеских самолетов, в ночь на 24 июля — до 180. За первые два месяца войны немецкая авиация совершила 36 ночных массированных налетов на столицу, в которых участвовал 5100 самолетов.

И Сталин самые первые свои распоряжения, начиная с постановлений ГКО от 30 июня и от 9 июля 1941 года «О противовоздушной обороне Москвы» и ряда других, направил на подготовку столицы к отражению налетов вражеской авиации.

Всего совершено 125 налетов (93 ночных и 32 дневных), в которых участвовало свыше 7 тыс. самолетов. Из них 1086 сбито средствами ПВО на подступах к столице, 338 самолетов прорвались к городу, сбросив на него 1610 фугасных и 110 тыс. зажигательных авиабомб. Было разрушено или серьезно повреждено 1467 жилых домов, промышленных объектов, учебных, на-

учных и общественных учреждений. Пострадало 7708 человек, из них 2196 москвичей погибло.

Но это было далеко не то, на что рассчитывал враг. Смелые самоотверженные действия 63 тыс. воинов ПВО Москвы (летчиков-истребителей, зенитчиков-артиллеристов, пулеметчиков, прожектористов, аэростатчиков, личного состава службы воздушного наблюдения, оповещения и связи) и 600-тысячной армии добровольцев — отрядов местной противовоздушной обороны сохранили город от разрушений, доля которых не превысила 2 % от числа всех зданий, имевшихся в столице к началу войны. Ведь только добровольные пожарные команды и группы самозащиты при домоуправлениях немедленно ликвидировали 43,5 тыс. очагов и 2 тыс. пожаров, возникших в столице после налетов немецкой авиации. Они также обезвредили 40 тыс. зажигательных бомб и спасли в разрушенных домах тысячи жителей, оказав первую помощь пострадавшим.

Сравнение разрушений Москвы и столиц других государств, подвергавшихся ударам авиации противника во время военных действий, показывает: в границах большого Лондона жилых и технических зданий было разрушено больше чем в Москве в 27 раз, в Берлине — в 30 и в Токио — в 491 раз! Как видим, Москва, находившаяся в прифронтовой зоне, является единственной столицей мира, которая в годы Второй мировой войны не имела существенных разрушений. При этом было бы несправедливо не упомянуть роль Сталина, Ведь именно его решением на прикрытие столицы с воздуха выделялись огромные силы и средства и лучшая техника. О степени их массирования свидетельствуют такие цифры: из каждых 100 единиц военной техники, имевшейся в Войсках ПВО на всей территории страны, около 40 самолетов-истребителей, 37 зенитных пушек и 35 зенитных прожекторов были сосредоточены в Московском корпусном районе ПВО (с 4.4.42 г. — Московском фронте ПВО). Такая степень концентрации создала материальные предпосылки для достижения невиданной в мире эффективности противовоздушной обороны крупного города.

Сталин вникал лично во все основные вопросы организации и ведения противовоздушной обороны столицы: он присутствовал на командном пункте ПВО Москвы во время учений и при отражении воздушных налетов, принимал меры к усилению группировки войск ПВО и т. д. Так, 12 июля 1941 года он подписал

приказ НКО о разделении зоны боевых действий истребительной авиации ПВО Москвы на четыре сектора с точным указанием сил, защищающих сектор, и начальника, отвечающего за его оборону. При этом Сталин исходил из того, что командир 6-го истребительного авиационного корпуса не в состоянии успешно руководить своими 29 истребительными авиационными полками, так как считал, что один человек может плодотворно управлять не более чем пятью подчиненными. Высочайшая степень концентрации сил и средств в сочетании с самой лучшей техникой и вооружением создали материальные предпосылки для достижения невиданной в мире эффективности ведения противовоздушной обороны крупного центра страны, которая и спасла город от уничтожения вражеской авиацией.

Столица справедливо гордится воинами ПВО Москвы, среди которых было более 20 тыс. девушек. Многие зенитно-пулеметные полки и прожекторные роты наполовину состояли из девушек¹⁴. Своей героической борьбой они не только спасли город от уничтожения вражеской авиацией, но и сыграли огромную роль в деле завоевания советской авиацией оперативного господства в воздухе на московском направлении. А без этого было бы невозможно успешно завершить не только оборонительные операции битвы за Москву, но и разгромить сильнейшую армию того времени меньшими силами в ходе контрнаступления советских войск.

Партизанское движение

И. В. Сталин в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года обратился с призывом придать войне с фашизмом всенародный характер. Уже к 15 июля в Московской области действовало 112 истребительных батальонов, созданных на основе распоряжения Сталина в Постановлении ГКО от 9 июля. В их рядах с врагом сражалась 41 тыс. бойцов. Именно эти отряды стали основой для формирования партизанских отрядов. Всего же из бойцов истребительных отрядов и сотрудников НКВД в области был сформирован 41 партизанский отряд, 377 истребительно-диверсионных групп и Московский истребительный мотострелковый полк (в составе 1914 чел.), истребительные батальоны, созданные в начале октября из сотрудников Московской милиции, истребителей и бойцов внутренних войск НКВД. В партизанских отрядах сражалось около 15 тыс. человек¹⁵.

Первые группы полка ушли через фронт под Рузу, Дорохово и Можайск 13–17 ноября 1941 года. Затем, с 13 ноября по 1 января 1942 года линию фронта перешли 70 истребительно-диверсионных групп. Масштаб боевой работы полка резко возрос после прорыва Красной Армии рубежа обороны по рекам Лама и Руза. Всего за время битвы за столицу истребительный полк перебросил в тыл врага 135 истребительно-диверсионных групп (более 4 тысяч бойцов). По далеко не полным данным ими было уничтожено 3761 солдат и офицеров противника, 12 танков, 96 автомашин.

Наконец, собственную партизанскую борьбу в тылу немецких войск вел Генеральный штаб РККА. С первых дней войны разведуправление Генштаба организовало на фронтах оперативные спецгруппы, занимавшиеся подбором и заброской в тыл противника разведывательно-диверсионных групп и отрядов. Оперативной спецгруппой (с августа 1941 года — Оперативный диверсионный пункт) Западного фронта командовал майор А. К. Спрогис. В рядах его диверсионных групп воевало более 2 тыс. москвичей, в том числе Зоя Космодемьянская и Вера Волошина. За год существования Оперативный диверсионный пункт, получивший в марте 1942 года наименование в/ч 9903, подготовил и перебросил за линию фронта 115 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 2862 человека¹⁶.

Столице угрожает «Тайфун»

Замысел немецкой операции «Тайфун» заключался в нанесении трех мощных ударов из районов Духовщины, Рославля и Шостки в восточном и северо-восточном направлениях с целью прорыва обороны советских войск, окружения и уничтожения их в районах Вязьмы и Брянска с последующим захватом Москвы. Выполнение этих задач возлагалось на группу армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока. Авиационную поддержку наступления осуществляли эскадры 2-го воздушного флота в условиях своего полного господства в воздухе.

За счет резервов ОКХ и войск с других участков восточного фронта германское командование смогло к концу сентября довести состав группы фон Бока до 1800 тыс. (по другим немецким данным до 1 929 406 человек), 14 тыс. орудий и минометов, 1,7 тыс. танков; 1390 самолетов. Никогда ранее немцы не использовали столь

огромных сил в составе одной группы армий и не развертывали на одном стратегическом направлении три танковые группы из четырех. Только на Москву противник бросил танковых и моторизованных дивизий больше, чем в мае 1940 г. против Франции, Англии Бельгии и Нидерландов вместе взятых. На советскую столицу было нацелено 42% личного состава, 75% танков, почти половина самолетов, 33% орудий и минометов из общего количества, находившегося на всем восточном фронте. Таковы были планы и силы врага.

К осуществлению операции «Тайфун» немцы приступили 30 сентября нанесением ударов силами 2-й танковой группы в направлении Орла. А с рассветом 2 октября на Москву устремились главные силы противника. Для Красной Армии операция началась с катастрофического поражения. Германский вермахт прорвал стратегическую оборону и к 9 октября окружил главные силы трех фронтов — 63 дивизии (или 66,3% от их общего числа). Все пути на Москву оказались открытыми. Резервов у Ставки ВГК здесь не было. Общее преимущество противника в силах над войсками фронтов западного направления возросло до 7–9 раз (К 30.9.41 г. оно составляло 1,4–1,8 раза)

Причин столь трагического для советских войск начала октябрьских сражений за Москву было несколько. Главные из них следующие:

- Во-первых, это огромное превосходство противника в силах и средствах. Ведь на одну Москву танковых и моторизованных дивизий нацеливалось больше, чем в мае 1940 года против Франции, Англии, Бельгии и Голландии вместе взятых. Это позволило германскому вермахту на избранных им направлениях главных ударов добиться превосходства над советскими войсками в 6–12 раз, а не духовщино — вяземском направлении по танкам — даже в 31 раз!
- Во-вторых, войска противника были хорошо подготовлены, сколочены и, имея 25-месячный боевой опыт, обладали высочайшей подвижностью. Ведь на одну автомашину в советской стрелковой дивизии приходилось — до 115 транспортных единиц в немецких дивизиях.
- В-третьих, начало наступления врага по плану «Тайфун», для советского командования, как и в начале войны, — оказалось неожиданным. Наша разведка в данном случае оказалась не на высоте. Это обстоя-

тельство привело к тому, что Ставка сделала ошибочные выводы из оценки стратегической обстановки. Считая, что после того, как в ходе Смоленского сражения Красная Армия заставила группу армий «Центр» перейти к обороне и перебросить треть своих армий на Юго-Западное направление, Сталин был уверен, что противник в ближайшее время не сможет возобновить наступление на Москву. Сей просчет Верховного привел к тому, что построение обороны фронтов, не соответствуя сложившейся обстановке, явилось одной из причин крупного поражения наших войск.

Но, несмотря на столь трагическое поражение и отступление Красной Армии с тяжелыми боями на 230–360 км, советская государственная и экономическая система, политическое и военное руководство страны в этой экстремальной ситуации продемонстрировала свою исключительную оперативность и живучесть. В сравнительно короткий срок Сталин смог перегруппировать силы между фронтами и, введя в сражение за Москву 25 резервных дивизий и 24 бригады, восстановил Западный и Брянский фронты, а также — сформировал новый, Калининский фронт.

Об этой стороне деятельности И. В. Сталина бывший нарком путей сообщения Ковалев вспоминал: Верховный Главнокомандующие в те дни следил за продвижением к столице буквально каждого воинского эшелона. Вы представьте себе эту сторону его деятельности. Для переброски частей только одной стрелковой дивизии требовались 40 и даже больше железнодорожных эшелонов. А ведь только до конца октября на защиту столицы было переброшено более двух десятков дивизий (стрелковых, мотострелковых, кавалерийских и др.). С этой целью было задействовано свыше 900 железнодорожных эшелонов. Они двигались из Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Кавказа и вдоль стратегического фронта. При этом одновременно шло много десятков эшелонов! А Сталин помнил их номера и требовал от железнодорожников делать все, чтобы каждый из эшелонов двигался со скоростью экспрессов!

Сосредоточением и введением в сражения этих резервов Сталину удалось не только остановить наступление противника, но и закрыть образовавшиеся в обороне бреши. В результате к концу октября наступление врага на Москву захлебнулось на Можайской линии обороны.

Исторический парад

В те дни, когда героическими усилиями советских войск операция «Тайфун» захлебнулась на Можайской линии обороны и тульском направлении, приближался канун 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Это событие — главный государственный праздник Советского Союза, — в предвоенные годы отмечался всегда особенно пышно. Но о каком торжестве могла идти речь в осажденном городе?! Никому и в голову не приходила мысль о возможности проведения в Москве традиционных праздничных мероприятий, глядя на покрытую камуфляжем Красную площадь, зачехленные звезды кремлевских башен, Мавзолей Ленина, укрытый мешками с песком и замаскированный полотняным «домом» с нарисованными окнами, дверьми и на улицы столицы, перекрытые баррикадами, ежами, надолбами и прочими заграждениями.

О том, чтобы отмечать эту дату в столице не думал никто, ни командование Московского военного округа, ни руководство города, ни жители столицы. Вы только представьте себе обстановку того дня. Ведь враг в тот момент уже лицезрел очертания московских пригородов, а кое-кто из наших американских и британских союзников беззастенчиво высчитывал, на сколько недель еще хватит крови Советской России, чтобы отвлекать на себя силы германского вермахта... Никому тогда даже не снился подобный вариант. А вот И. В. Сталин не только думал, но и, придавая глубокое военно-политическое значение такому событию, в строжайшей тайне организовал подготовку к военному параду на Красной площади. Только поздно ночью (около 23 ч.) 6 ноября после торжественного собрания на станции метро «Маяковская» командующий парадом зам. наркома обороны СССР маршал С. М. Буденный сообщил командирам частей об участии в параде на Красной площади. В ночь перед парадом по личному указанию Сталина были расчехлены и зажжены кремлевские звезды, также была убрана маскировка с Мавзолея Ленина.

Утром 7 ноября небо над Москвой было в низких тучах. Шел снег. Было очень холодно. Еще затемно к Красной площади потянулись колонны войск. Прибывшие музыканты военных оркестров заявили дирижеру Агапкину что клапаны (педали) у инструментов замерзают, пальцы коченеют (некоторые были без перчаток). Как играть? А играть нужно — ведь парад-то

исторический! Поэтому, мелкие инструменты держали под шинелями, крупные — прикрывали обшлагами шинелей. Марши играли, чередуясь между собой: одни играют, другие отогревают инструменты. Дирижер управлял оркестром, стоя на возвышенной подставке. Снег шел непрерывно, мороз крепчал. А когда парад завершился, то дирижер не мог сойти с подставки — у него примерзли сапоги. Пришлось его вместе с подставкой выносить на руках в теплое место.

Василий Иванович Агапкин (1884–1964) — военный дирижер, композитор, полковник. По приказу наркома обороны ему было приказано дирижировать сводным военным оркестром на параде. Особое же место в творчестве Агапкина занял марш «Прощание славянки» (1912) — лучший марш русской армии. Марш посвящен женщинам-славянкам, провожающим своих сыновей, братьев, мужей на справедливую войну. Без его исполнения, вот уже почти 100 лет, не обходился ни один военный парад, торжественный марш или просто шествие соединений и частей русской армии.

В параде участвовало около 28,5 тыс. человек, 140 арт. орудий, 160 танков и 232 автомашины. Авиация же из-за плохой погоды (сильный снегопад, пурга, ограниченная видимость) участия в параде не приняла. На Красной площади не было ни военных оркестров транспарантов, ни других украшений. Не чеканили шаг слушатели военных академий. И совсем непросто было бойцам-интернационалистам батальона отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОНа) держать строй, когда на ногах валенки, за спиной вещевой мешок, в нем вперемежку — гранаты, запасные обоймы для патронов, кубики пшеничного концентрата, а сильный ветер забивает снегом глаза. Да, это был единственный парад, участники которого шли мимо трибун с вооружением, с полным боекомплектом патронов и снарядов.

Кстати, поначалу Сталин считал, что радиотрансляция с парада пойдет, только, на Москву (дабы оставить в неведении врага, не дать ему шанса уничтожить авиаударом советское руководство). И все-таки за несколько минут до начала парада вождь распорядился: «Транслировать на всю страну». Около 8 часов 10 минут, все радиостанции Советского Союза вдруг начали вести прямую трансляцию речи Сталина перед участниками военного парада на Красной площади Москвы. Её услышали не только все советские люди, но и весь мир: «Война, которую

вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляют вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова». По сути, Сталин повторил мысли из обращения к народу митрополита Сергия от 22 июня 1941 года, но здесь важно иное: многое должно было измениться в мировоззрении вождя, чтобы Сталин решил напомнить русским, что они великий народ, что их сродники такие великие полководцы, кстати, память о которых большевики беспощадно разоряли еще в 30-х годах. Впервые с октября 1917 года прозвучало воззвание к русскому сердцу.

Обратите внимание на следующий факт: для ускорения переброски участников парада к линии фронта, Моссовет выделил 140 трамвайных вагонов. До главной полосы обороны, возведенной вокруг Москвы — на трамвае! Подумать только!

В итоге Сталин одержал великую пропагандистскую победу. С этого парада началась наша Победа!

Проведение военного парада в Москве было воспринято подобно грому среди ясного неба, подобно внезапно разорвавшейся бомбе... Подобного никто не ожидал ни в нашей стране, ни в Берлине, ни в столицах западных держав. Эффект от этой акции, как и предполагал Сталин, был таким же важным, как от успешно проведенной фронтовой операции.

Сообщения о параде в прифронтовой Москве стали сенсацией, облетевшей весь мир. Событие по достоинству оценили союзники: «Организация в Москве обычного традиционного парада в момент, когда на подступах к городу идут жаркие бои, — писали американские газеты, — показали всему миру, что Москва стоит и будет стоять непобедимо». Английская газета «Ньюс кроникл» с восторгом отметила: «Организация в Москве обычного традиционного парада в момент, когда на подступах к городу идут жаркие бои, представляет собой великолепный пример мужества и отваги». Германия в ноябрьские дни жила ожиданием парада на Красной площади — только не нашего, а своего. Гитлеровские газеты и радио заранее оповестили, что немецко-фашистские войска именно 7 ноября пройдут церемониальным маршем по еще одной покоренной столице Европы. О проведении парада на Красной площади немецкое командование узнало из радиотрансляции. Бомбардировщики

поднялись в воздух, но до Москвы не долетел ни один из 250 самолетов.

Парад поднял на еще большую высоту морально-боевой дух войск Красной Армии и стал одним из факторов, обусловивших последующий разгром германских войск на подступах к столице. Этот парад — одна из самых ярких страниц героической истории нашей Родины вообще, и истории Великой Отечественной войны в частности.

«Генеральное» наступление немцев на Москву

Приближающаяся зима заставила германское командование спешить с подготовкой новой операции, чтобы еще до сильных морозов овладеть Москвой. Произведя перегруппировку и пополнив войска оружием, военной техникой и горючим, группа армий «Центр» к середине ноября в основном изготовилась к наступлению, продолжая превосходить советские войска по людям, танкам и артиллерии в 1,6–3 раза. Зато по количеству самолетов советская авиация (фронтовая, Дальнебомбардировочная и истребительная ПВО Москвы) имела теперь 1138 самолетов, а Люфтваффе — 580, то есть её преимуществ над немецкой авиацией стало почти двукратным.

15 ноября немцы приступили к осуществлению своей четвертой по счету операции — «генеральному» наступлению на Москву. Чтобы поднять боевой дух немецких войска, фельдмаршал фон Бок обратился к ним воистину по-наполеоновски: *«Солдаты! Перед вами Москва! За два года все столицы континента склонились перед вами. Вы прошагали по улицам лучших городов. Осталась Москва. Заставьте её склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по её площадям. Москва — это конец войны, Москва — это отдых. Вперед!»*¹⁷.

И войска группы армий «Центр» бросились в свое последнее наступление на советскую столицу. В ходе его за 20 дней боев им удалось продвинуться на 80–100 км,

Советское командование, в общем, правильно разгадало замысел наступления врага, направления его главных ударов и группировку войска. По распоряжению Сталина войска укрепляли занимаемые позиции. 14 ноября он отдал распоряжение командующему Западным фронтом генералу армии Г. К. Жукову упреждающими ударами: в районе Волоколамска силами частей 16-й армии генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского и — из района Серпухова» частями 49-й

армией генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина, сорвать наступление противника на Москву. Однако эти контрудары своей цели не достигли. Слишком неравными оказались силы сторон.

3-я и 4-я танковые группы противника уже в первый день, прорвав оборону советских войск на северных подступах к столице, устремились в направлении Клина. С 18 ноября обострилась обстановка и на южных подступах к Москве. Здесь дивизии 2-я танковой армии Гудериана, наступая в обход Тулы с востока, к 25 ноября достигли рубежа в 6-ти километрах от Каширы.

Отметим, что войска группы армий «Центр» вводились в сражение в течение пяти дней. Одна из главных причин — действия отрядов и групп партизан Московской, Калининской, Смоленской, Орловской и Тульской областей. Отряды народных мстителей не только наносили удары по вражеским гарнизонам, но и нарушали их снабжение, разрушали железные дороги и мосты, минировали шоссе, взрывали склады с боеприпасами и горючим, срывали снабжение. В итоге группа армий «Центр» вместо 70 эшелонов, составлявших суточную потребность войск в материальных средствах, в середине ноября получала только 23 эшелона. Однако в целом начало очередного наступления немцев оказалось сравнительно успешным. Он был обусловлен их значительным превосходством в силах.

23 ноября пали Клин и Солнечногорск. Остановить немцев не удалось. В ночь на 28 ноября части врага захватили мост через канал Москва — Волга у Яхромы. Немцы образовали плацдарм на его восточном берегу и прорвались к окраинам Дмитрова. 30 ноября противник занял поселок Красная Поляна, подойдя к столице на пушечный выстрел. Ожесточенные бои шли на рубеже нынешнего аэропорта Шереметьево, станции Крюково, Дедовск (40 км западнее Москвы).

Чтобы снять напряжение Сталин решил перебросить под Москву семь резервных армий из тех десяти, что с начала ноября готовились в глубоком тылу страны для контрнаступления Красной Армии, однако задачи им теперь ставились чисто оборонительные. Кроме того, Верховный Главнокомандующий распорядился включить в состав армий Западного фронта десять морских стрелковых бригад. Все они по директиве Сталина от 18 октября 1941 года были сформированы из моряков Тихоокеанского и Балтийского флотов, Амурской и Каспийской Военных флотилий, курсантов Высших Военно-морских училищ, Московского флотского

полуэкипажа и личного состава управлений Наркомата Военно-Морского флота.

27 ноября, чтобы «облегчить положение Западного фронта», Сталин приказал генералу Коневу — «сегодня же войсками Калининского фронта нанести удары по противнику, с целью притянуть на себя его силы».

1 декабря с утра немцы перешли в решающее наступление по всему фронту с тем, чтобы, наконец-то, захватить русскую столицу. Замысел противника сводился к нанесению одновременных ударов по Москве не только с севера и юга, но и с запада. Накал борьбы за Москву достиг своей кульминации. Восточнее Звенигорода противнику удалось вклиниться в оборону 5-й армии генерал-лейтенанта артиллерии Л. А. Говорова. Но на рубеже 1,5 км севернее поселка Николина Гора враг был остановлен. Юго-западнее Звенигорода немцы форсировали реку Москва, и повели наступление на Кубинку, однако контратаками частей 50-й стрелковой дивизии генерал-майора Н. Ф. Лебедеенко они были остановлены и перешли к обороне. Севернее Наро-Фоминска гитлеровцам удалось прорвать оборону 33-й армии (генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова) и к исходу дня захватить дер. Акулово (6 км южнее Кубинки). Но все попытки прорваться через акуловский узел сопротивления 32-й стрелковой дивизии полковника В. И. Полосухина были отбиты. Лишь одному немецкому пехотному полку с 30 танками удалось по проселочной дороге устремиться на восток и достигнуть района Юшково, Петровское, Бурцево (0,5–2 км от платформы Алабино). Севернее Москвы танковые и моторизованные части противника захватили населенные пункты Белый Раст, Озерецкое, Катюшки и вышли к станции Лобня. В районе Тулы противник возобновил наступление с целью овладения городом.

В этой обстановке министр пропаганды третьего рейха Й. Геббельс отдал распоряжение редакциям всех берлинских газет оставить в очередных номерах свободные места для помещения экстренного сообщения о взятии Москвы. Однако сломить сопротивление советских войск врагу оказалось уже не под силу. И эти газетные места немцам заполнить так и не удалось.

Контрнаступление

29 ноября Г. К. Жуков обратился к Сталину с просьбой: дать приказ о начале контрнаступления, а также о подчинении Западнему фронту двух резервных армий. Сталин ответил,

что посоветуется с Генеральным штабом. Там к предложению Жукова отнеслись отрицательно, считая, что надо сначала сосредоточить все резервные армии под Москвой, изменить соотношение сил в пользу Красной Армии и только после этого переходить к контрнаступлению на врага. Однако И. В. Сталин поддержал Жукова и в тот же день, уже поздно вечером, отдал распоряжение о передаче Западному фронту 1-й Ударной, 10-й и вновь формируемой 20-й армий и о решении начать контрнаступление. Одновременно Сталин приказал Жукову представить в Ставку план контрнаступательной операции. Аналогичную задачу получило командование Юго-Западного, а затем и Калининского фронтов.

И вот 5 декабря совершенно неожиданно для врага советские войска перешли в контрнаступление. Развивалось оно медленно. Ведь превосходство в силах и средствах оставалось на стороне вермахта. Его войска отчаянно сопротивлялись. Глубокий снег ограничивал манёвр и существенно снижал темп наступления Красной Армии. Полной уверенности в успешном завершении контрнаступления такое его начало в Ставке ВГК не создавало. И, видимо, по этой причине о нем долго не было никаких сообщений.

Однако, подведя первые итоги наступательных действий, Военный совет Западного фронта 12 декабря доложил Верховному Главнокомандующему, что в результате решительного контрнаступления обе ударные фланговые группировки противника *«разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и, неся огромные потери. Всего за время с 6.11 по 10.12.41 г. захвачено и уничтожено, без учета уничтоженных авиацией: танков — 1434, автомашин — 5416, орудий — 575, минометов — 339, пулеметов — 870...Преследование и разгром отступающих немецких войск продолжается. Жуков. Булганин»*¹⁸.

А уже 13 декабря 1941г. во всех газетах было опубликовано сообщение Совинформбюро о провале немецко-фашистского плана окружения и взятия Москвы и о поражении войск вермахта на подступах к столице. Это известие вызвало величающую радость у советского народа. Ведь почти весь 41-й год наши войска отступали. Все сообщения с фронта скупо информировали об очередных потерях наших городов. Люди знали лишь о том, что враг подошел к Москве, что столицу эвакуировали. Город на осадном

положении и казалось, что вот-вот произойдет что-то страшное и непоправимое.

В ходе контрнаступления советские войска к 7 января 1942 года продвинулись на 100–250 км, разгромили ударные группировки противника, пытавшиеся обойти Москву с севера и юга, и сняли непосредственную угрозу столице и Московскому промышленному району. Группа армий «Центр» потеряла около 116 тыс. человек (14,5% боевого состава дивизий, бригад, отдельных полков и батальонов)¹⁹, «650 танков (65%) и 3079 орудий и минометов (22% состава на начало декабря)»²⁰. Это было первое крупное поражение германского вермахта во Второй мировой войне.

Немецко-фашистские войска только за месяц контрнаступления Красной Армии под Москвой потеряли свыше 168 тыс. человек. За это время были разбиты 11 танковых, 4 моторизованные и 23 пехотные дивизии.

В ходе наступления советских войск на Западном направлении у противника из строя было выведены 16 дивизий и 1 бригада. Потери группы армий «Центр» в живой силе составили более 333 тыс. человек. Полного разгрома она смогла избежать, только в результате переброски 20 дивизий и 5 бригад из Западной Европы²¹.

Успех наших войск был бесспорным и чрезвычайно важным, а его значение вышло далеко за рамки чисто военной задачи. Ведь именно под Москвой немцы не только утратили стратегическую инициативу и познали горечь поражения, но, и это главное, они проиграли свою «молниеносную войну» против Советского Союза. Крах стратегии блицкрига и всего плана «Барбароссы» поставил третий рейх перед перспективой новой войны, войны длительной и на два фронта. Этого же немцы всегда чрезвычайно опасались. И, тем не менее, правители фашистской Германии оказались в ситуации, о которой фельдмаршал Кейтель на допросе в июне 1945 года заявил, что после Московской битвы не представлял себе «военного решения» всей восточной кампании. И не случайно адъютант Гитлера фон Белов в своих воспоминаниях события под Москвой отнес к «великому перелому в ходе второй мировой войны»²². А бывший начальник генштаба ОКХ генерал Гальдер с горечью писал: «Разбит миф о непобедимости немецкой армии...6 декабря 1941 года можно считать поворотным моментом, причем одним из самых роковых моментов в краткой истории третьего рейха...»²³.

Разгром немцев под Москвой произвел огромное впечатление на руководителей Великобритании и США. С момента вторжения Германии в СССР, будучи до смерти напуганными и боясь без помощи русских быть уничтоженными Гитлером, они сразу же заключили с нашей страной ряд договоров о политико-экономическом сотрудничестве. При этом они зорко наблюдали за событиями на советско-германском фронте, главной целью которого являлся вопрос — выдержит ли СССР страшный натиск фашистского вермахта или его постигнет жалкая судьба европейских стран, разгромленных немцами в считанные недели. И потому с получением первых же сообщений о «замечательных победах на русском фронте» У. Черчилль и Ф. Рузвельт уже 16 декабря направили свои поздравления И. Сталину, выразив полную уверенность в исходе войны.

Наступление на Западном направлении

Сталин, воодушевленный удачей, достигнутой в контрнаступлении и реакцией на неё западных союзников, решил немедленно принять меры по развитию и закреплению успеха. Он потребовал от Генштаба разработать план общего наступления на всех фронтах — от Ладожского озера до Черного моря. И уже 17–18 декабря фронты Северо-Западного и Юго-Западного направлений получили директивы о подготовке к новым операциям. А 5 января на заседании Ставки Сталин изложил свой замысел: решительным наступлением на трех стратегических направлениях нанести поражение основным группировкам противника и, не давая его войскам передышки, *«гнать их на запад без остановки... и обеспечить ...полный разгром гитлеровских войск в 1942 году»*²⁴.

Ставка ВГК утвердила план общего наступления, хотя он не имел достаточного обеспечения силами и средствами. Их недостаток мыслилось возместить созданием во фронтах и армиях ударных групп и переходом к артиллерийскому наступлению. Однако вести артиллерийское наступление, к сожалению, не позволял острейший дефицит боеприпасов.

8 января 1942 года началась Ржевско-Вяземская наступательная операция — общее наступление советских войск на западном направлении. В ходе её к концу января Калининский фронт правым крылом продвинулся вперед на 200–250 км, центром и левым крылом на 40–120 км; Западный фронт — на 40–90 км.

Вместе с тем войска не смогли до конца выполнить задачи, возложенные на них Сталиным. Калининский фронт, наступая в полосе шириной до 800 км, уже не имел сил для завершения наступления. Западный фронт, развернув свои войска также на линии до 800 км, приостановил продвижение. Он мог продолжать операцию только на отдельных направлениях с ограниченными целями и лишь за счет дополнительных крупных внутренних перегруппировок.

Более чем скромными оказались результаты наступления и в феврале. Более того, за счет полученных резервов и создания ряда оборонительных рубежей, германские войска значительно повысили свою мощь. Умело маневрируя войсками, они не только остановили продвижение Красной Армии на запад, но юго-западнее Ржева отрезали от главных сил четыре соединения 29-й армии, а южнее Вязьмы — три дивизии 33-й армии (четвертая была передана генералу П. А. Белову) и всю группу Белова. Германскому командованию «стало ясно, что самая опасная фаза боевых действий завершается»²⁵ и оно 12 февраля приказало фон Боку: в ближайшее время уничтожить прорвавшиеся в тыл русские силы, удерживать нынешние позиции и готовиться к наступлению, которое планируется начать после весенней распутицы.

В то же время войска Калининского и Западного фронтов из-за больших потерь утратили свое относительно небольшое превосходство над противником. Артиллерия при остром недостатке боеприпасов не имела возможности подавлять вражескую оборону, авиация лишилась господства в воздухе, а личный состав, ведя непрерывное наступление около трех месяцев, был предельно измотан. Все свидетельствовало о том, что наступательный потенциал советских войск себя исчерпал. Однако Сталин не желал считаться с этим обстоятельством. Он по-прежнему был настроен оптимистично и 16 февраля отдал войскам приказ: «разгромить и уничтожить ржевско-вяземско-юхновскую... и болховско-жиздринско-брянскую группировки противника. К 5 марта выйти и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже...»²⁶.

Как и следовало ожидать, добиться решающего успеха, несмотря на многочисленные кровопролитные бои, не удалось ни на одном из направлений, были лишь отдельные достижения местного значения. К донесениям о безуспешных ударах войск всех 12 наступавших

армий двух фронтов Сталин относился совершенно спокойно. Он считал, что успех все равно придет — не сегодня, так завтра обязательно. 22 марта он вновь потребовал разгромить вышеназванные группировки противника, освободить Ржев и не позднее 20 апреля выйти и закрепиться на линии Белый, Дорогобуж, Ельня, Снопоть²⁷.

О том насколько напряженными были бои того периода говорят следующие факты: в течение февраля — апреля войска генералов И. С. Конева и Г. К. Жукова освободили 713 населенных пунктов, но и сами сдали противнику 82 пункта²⁸. А вот почему задачи фронтам, поставленные Сталиным, так и остались невыполненными, можно судить по таким причинам, как: усиление обороны немецких войск; глубокий снежный покров, затруднявший ведение наступления и атак; неумение наших военачальников концентрировать основные усилия на решающем направлении и организовывать взаимодействие основных родов войск для достижения намеченной цели.

В заключение отметим ту сторону деятельности И. В. Сталина в битве за Москву, которая связана с созданием необходимых условий для разгрома врага. В этой связи представляют интерес его размышления, или как их назвали «почеркушки», хранящиеся в личном архиве Сталина. Они написаны в ноябре 41-го, когда для защиты столицы по крохам собирали на флотах и флотилиях, во внутренних военных округах людей в морские стрелковые бригады и в другие воинские формирования. Сталин тогда писал: *«только правильно организованная и разумно используемая система резервов может обеспечить гигантские масштабы современной вооруженной борьбы»*²⁹.

Но Сталин не только писал, но и систематически проводил огромную работу по подготовке таких резервов. Исследования показывают, что за период ведения битвы за Москву было подготовлено и введено в её сражения: дивизий (стрелковых, мотострелковых, моторизованных, кавалерийских и др.) — 303, бригад (стрелковых, танковых, воздушно-десантных и др.) — 215, отдельных частей — 220; маршевого пополнения для соединений и частей — около 2,5 млн человек.

Как видим, роль Сталина в битве за Москву была чрезвычайно высокой. Он не только управлял войсками в ходе ведения операций, но и готовил резервы. Он организовал эвакуацию промышленности и населения из города, когда этого требовала обстановка. Под его руководством советские войска одержали победу над сильнейшей тогда в мире германской армией, изменили ход войны в пользу антигитлеровской коалиции.

Оценивая заслуги Верховного Главнокомандующего Советскими Вооруженными Силами в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой, премьер-министр Великобритании У. Черчилль 15 февраля 1942 года отметил: «Одним из ярких показателей военного искусства И. В. Сталина, проявившиеся в битве за Москву, было его мастерское умение использовать военную хитрость в целях обмана противника. Как правило, ему это блестяще удавалось. Достаточно вспомнить опыт продвижения резервных соединений к линии фронта в битве за Москву в начале декабря 1941 года: перегруппировать на это направление около 70 свежих дивизий, причем так скрытно, что гитлеровцы о таком даже и помыслить не могли — такое, безусловно, под силу было только Сталину»³⁰.

¹ История Второй мировой войны 1939–1945 М., 1974. Т. 3. С. 101–102.

² Цит. по: Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. М., 1968. С. 178, 179

³ ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 1. Л. 16–17; Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 22–29.

⁴ Вопросы истории. 1990. № 9. С. 86 // Мемуары Н. С. Хрущева

⁵ См. фотоальбом. «Сталин Великая битва за Москву». М. 2011. С. 16

⁶ Там же

⁷ Там же. С. 22, 27, 29 и др.

⁸ Цит. По фотоальбому: Сталин. Великая битва за Москву. Факсимильный документ из архива Сталина. С. 16.

⁹ См. Московская битва в постановлениях Государственного Комитета Обороны. Документы и материалы. 1941–1942. — М., 2001.

¹⁰ Подсчитано по: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. М., 2004. С. 54–56, 63–67, 160–167, 180–185; Боевой состав Советской Армии. Ч. 1. ВУ ГШ. Военно-исторический отдел. М., 1964. С. 8–10, 16, 18, 23–24.

- ¹¹ Подсчитано по: Рейнгардт Клаус. Поворот под Москвой. Пер. с нем. М., 1980. С. 54, 381.
- ¹² Подсчитано по: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Статистический анализ. Летне–осенняя кампания 1941 г. С. 68, 72, 180–185.
- ¹³ Жуков Г.К. Заря грядущей победы. // Правда. 1971. 5 декабря//.
- ¹⁴ Источник: Битва за Москву. М., 1968. С. 396.
- ¹⁵ См. «Партизаны в битве за Москву 1941–1942. Главное архивное управление города Москвы.
- ¹⁶ Издательство ПАТРИОТ. М. 2008. С. 18–19, 21–22, 552, 554.
- ¹⁷ Там же. С. 21.
- ¹⁸ Разгром немцев под Москвой. Под редакцией маршала Б. М. Шапошникова. Т. 1. М., 1943. С. 12.
- ¹⁹ Русский архив.: Великая Отечественная: Битва под Москвой: Сборник документов. Т. 15(4–1). С. 178–179.
- ²⁰ Подсчитано по: Рейнгардт К. Поворот под Москвой... С. 381.
- ²¹ Подсчитано по: Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945. Т. 1. С. 338, 352.
- ²¹ Подсчитано по: Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск её бывших сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. ВНУ ГШ. Военно-исторический отдел. Выпуск второй., М., 1956. С. 62–64, 74–76, 86–88, 102–104, 116–118, 130–132, 142–144, 156–158.
- ²² Below N. Als Hittlers Adjutant 1937–1945. Mainz. 1980. S. 300.
- ²³ Цит. по: Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. Пер. с англ. М. 1991. Т. 1. С. 254–255.
- ²⁴ Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 15(4–1). — М.: ТЕРРА 1997. С. 233–236.
- ²⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart. 1983. S. 628.
- ²⁶ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5–2). М., 1996. С. 98–99.
- ²⁷ Там же. С. 137–138
- ²⁸ Подсчитано по: Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 372, 426, 461.
- ²⁹ Цит. по: фотоальбом «Сталин. Великая битва за Москву». — М., 2011. С. 139.
- ³⁰ Цит. по: там же. С. 151.